

СЕРЕБРЯНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
ФАНТАСТИКИ

КЛИФФОРД
САЙМАК

ЛУЧШАЯ
ФАНТАСТИКА
ПО ЛУЧШЕЙ
ЦЕНЕ

ПРИНЦИП
ОБОРОТНЯ

Серебряная коллекция фантастики

Клиффорд Саймак
Принцип оборотня

«ЭКСМО»

1967

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Саймак К. Д.

Принцип оборотня / К. Д. Саймак — «Эксмо»,
1967 — (Серебряная коллекция фантастики)

ISBN 978-5-04-004751-2

Каким образом в одном месте может оказаться столько воды? И так много растительности, и такой неистовый ералаш стихий? Как вообще на планете — на любой планете — может царить такой кавардак, такое безвкусно цветистое изобилие? Эти вопросы не самые сложные из тех, на которые предстоит ответить Эндрю Блейку, человеку без прошлого, случайно найденному в глубинах космоса. И самый главный из них — человек ли он?

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-004751-2

© Саймак К. Д., 1967
© Эксмо, 1967

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	22
Глава 8	28
Глава 9	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Клиффорд Саймак

Принцип оборотня

Глава 1

Существо остановилось и приникло к земле, глядя на крошечные точки света впереди, неярко горевшие во мраке.

Существо заскулило в страхе и тревоге.

Этот мир был чересчур жарким и влажным, а тьма – слишком густой. И было тут слишком много буйной растительности. Атмосфера неистовствовала, и растения стонали от боли. Размытые сверкающие вспышки совсем не освещали ночь, и где-то далеко-далеко слышались чьи-то протяжные, басовито рокочущие стенания. И здесь была жизнь – гораздо больше жизни, чем пристало иметь какой бы то ни было планете, – но жизнь низшая, частично состоявшая просто из биологического месива, маленьких сгустков, способных лишь вяло отзываться на определенные раздражители.

Может быть, сказала себе существо, и не стоило так упорно рваться на волю? Может, лучше было бы остаться в том месте, которому нет имени, там, где не существовало ни бытия, ни ощущения или воспоминания о бытии, – лишь черпаемое откуда-то знание самого факта, что есть такое состояние, как бытие, да еще редкие проблески разума, разрозненные обрывки информации, которые подогревали стремление бежать, обрести независимость, разобраться, почему оно оказалось именно здесь и как сюда попало.

А что теперь?

Существо льнуло к земле и скулило.

Каким образом в одном месте может оказаться столько воды? И так много растительности, и такого неистового буйства стихий? Как вообще на планете – на любой планете – может царить такой кавардак, такое безвкусно-цветистое изобилие? В таком количестве воды, ручьем бегущей под уклон, стоящей в мутных лужицах на земле, было нечто свято-татственное. Мало того, вода присутствовала и в атмосфере, насыщенной стремительными каплями.

Что это за ткань, которая обхватывает горло, покрывает спину, волочится по земле, развеваясь на ветру? Защитная оболочка? Но прежде существо никогда не нуждалось ни в каком прикрытии. Ему нужна была только его собственная шубка из серебристого меха.

Прежде? – спросило себя существо. Когда это «прежде»? Прежде чем что?

Существо напрягло память, и возникло смутное видение какой-то хрустальной земли с холодным сухим воздухом, со снежной и песчаной пылью, где небо полыхало множеством звезд, а ночь, озаренная мягким золотистым светом лун, была такой же яркой, как день. А еще возникло навязчивое, туманное, полуосознанное воспоминание о том, что оно, существо, отправилось в глубины космоса вырывать у звезд их тайны.

Но что это было, воспоминание или фантазия, рожденная безликостью того места, откуда бежало существо? Этого никак не узнаешь.

Существо выбросило пару рук, подняло с земли ткань и скомкало ее в руках. Вода сочилась из материала, маленькие капли со всплесками падали в лужи на земле.

Что это за точки света впереди? Это не звезды: слишком близко к земле, да и вообще тут нет звезд, что само по себе немыслимо, ибо звезды были всегда.

Существо с опаской потянулось мыслью к этому ровному свету. Там было еще что-то кроме света – на заднем плане ощущалось присутствие какого-то минерала. Существо осто-

рожно ощупало этот фон и осознало, что там, в темноте, стоит минеральная глыба слишком уж правильной формы, чтобы быть природной скалой.

Вдали не смолкал грохот; тревожные вспышки далеких огней уносились в глубины неба.

Идти дальше? – гадало существо. Обогнуть огоньки по широкой дуге или двинуться прямо на них, чтобы узнать, что они такое? Или, быть может, следует пойти назад и постараться опять отыскать ту пустоту, из которой оно бежало? Хотя теперь уже неизвестно, где это место. С момента своего освобождения существо ушло далеко.

И где те двое других, которые тоже были там, в небытии? Они тоже освободились? Или остались, почувствовав, быть может, сводящую с ума отчужденность, что царила вокруг? А если они не бежали, то где могут быть теперь?

И не только где они, но и кто они?

Почему они не отвечали? Или они не слышали вопроса? Возможно, в том, не имеющем названия месте не было подходящих условий, чтобы задавать вопросы? Странно, подумало существо: делить жилье с двумя другими созданиями, испытывать то же ощущение неосознанного бытия и не иметь возможности вступить с ними в связь.

Ночь была душная, но существо била дрожь.

Нельзя оставаться здесь, сказала оно себе. Не скитаться же до бесконечности. Надо найти какое-то убежище.

Хотя существо пока не понимало, где следует искать убежище в безумном мире, обступившем его.

Оно медленно двинулось вперед, не веря в себя, не зная толком, куда идти и что делать.

Огни? – думало оно. Узнать, что это за огни, или?..

Небо взорвалось. Мир треснул, переполнившись сверкающей голубизной. Ослепленное и контуженное, существо в ужасе отпрянуло, и из его оцепеневшего мозга вырвался пронзительный крик. Но вот крик оборвался, свет исчез, и существо снова очутилось в небытии.

Глава 2

Дождь хлестал Эндрю Блейка по лицу; сама земля дрожала от оглушительных раскатов грома. Огромные массы разорванного воздуха с грохотом сходились над самой его головой; резко пахло озоном. Блейк чувствовал, как холодная грязь забивается между пальцами ног.

Как же он попал сюда? В грозу, с непокрытой головой, в насквозь мокрой одежде, без сандалий?

После обеда он вышел на улицу, чтобы взглянуть на бурю, которая кипела и перехлестывала через горную цепь на западе. А потом, спустя мгновение, оказался здесь, в самой гуще этой бури. Во всяком случае, он надеялся, что это все та же буря, а не какая-нибудь другая.

Ветер завывал в рощице; от подножия холма, на котором стоял Блейк, доносился звук бегущей воды, а прямо напротив, за потоком, светились окна. Может быть, это его дом, как в тумане подумал он.

Хотя там, где стоял его дом, не было ни склона, ни бегущего потока. Блейк озабоченно поскреб в затылке. Вода из шевелюры потекла по лицу. На миг ослабевший дождь с новой силой захлестал, и Блейк повернул к дому. Нет, это, конечно, не его жилище. Но это дом, и там наверняка есть кто-то, кто скажет ему, где он, и...

Скажет, где он! Но это же безумие! Какую-то секунду тому назад он стоял в своем патио и глядел на грозные тучи, и никакого дождя не было...

Должно быть, он спит. Или это галлюцинация. Но хлещущий его дождь не похож на дождь из сна, воздух пахнет озоном, а где это видано, чтобы запах озона ощущался во сне?

Он подошел к дому и, шагнув вперед правой ногой, наткнулся на что-то твердое; боль пронзила стопу и всю ногу; Блейк оторвал стопу от земли и затряс ею в воздухе. Боль стекла в большой палец и запульсировала в нем. Блейк поскользнулся в грязи и сел. Слякоть брызнула в разные стороны. Почва была холодная и мокрая. Подтянув ногу с разбитым пальцем, Блейк вслепую, осторожно и бережно ощупал его.

Он понял, что это не сон. Во сне человек не может расшибить себе большой палец ноги. Что-то случилось. Какая-то сила в мгновение ока перенесла его, ничего не чувствующего, на много миль от патио. Перенесла и швырнула в средоточие дождя и грома, в ночь – такую темную, что не видно было ни зги.

Он снова ощупал большой палец. Боль чуть утихла. Если напрячь ноги и задрать большой палец вверх, идти можно. Хромая, скользя по грязи, он двинулся вниз по склону, пересек узкий ручей, вода в котором доставала ему до лодыжек, и по другому склону вскарабкался вверх, к дому.

Горизонт озарился молнией, и на какое-то мгновение Эндрю увидел контур дома на фоне сияния – громоздкое здание с тяжелыми дымоходами и окнами, утопленными в камень, будто глубоко посаженные глаза.

Каменный дом, подумалось ему. Пережиток прошлого. Каменный дом, в котором кто-то живет.

Блейк налетел на ограду, но не ушибся, поскольку двигался он медленно. Ощупью, вдоль забора, он добрался до калитки. За ней виднелись три маленьких светлых прямоугольника. Блейк решил, что это дверь. Ноги нащупали плоские каменные плиты, и он пошел по ним. Возле двери Блейк замедлил шаг. К двери могли вести ступеньки, а с него хватит и одной разбитой ноги.

Да, вот и ступеньки. Он ударился о них больным пальцем и на мгновение остановился. Он стоял, стиснув зубы и пережидая, пока утихнет боль. Потом поднялся по лестнице и отыскал дверь. Он поискал сигнальное устройство, но не было даже колокольчика или звонка.

Пошарив еще немного, он наткнулся на дверной молоток. Дверной молоток? Ну конечно, сказал себе Эндрю, в таком доме, как этот, наверняка должен быть дверной молоток. В доме его далекого прошлого...

Его пронзил лютый страх. Может быть, дело не в пространстве, а во времени? – подумал он. Неужели его перенесли (если перенесли) не в пространстве, а во времени?

Он поднял молоток и постучал. Подождал. Никаких признаков того, что его услышали. Блейк постучал еще раз.

За спиной раздался скрип, и Блейк оказался в коническом снопе света. Он резко обернулся. Круглый светящийся глаз остался недвижим. Он ослепил Блейка. Позади источника света, на фоне черной ночной мглы Блейк различил смутный и еще более черный контур человеческой фигуры.

Сзади распахнулась дверь, и на улицу из дома хлынул свет. Теперь Блейк видел человека, державшего фонарь. Человек был одет в юбку-шотландку и овчинную куртку. В его руке блеснула сталь. Пистолет, решил Блейк.

– Что здесь происходит? – резко спросил мужчина, открывший дверь.

– Кто-то норовит забраться в дом, сенатор, – ответил человек с фонарем. – Должно быть, он как-то ухитрился проскользнуть мимо меня.

– Он проскользнул мимо вас потому, – сказал сенатор, – что вы где-то прятались от дождя. Охранять, ребята, значит охранять, а не играть в охранников.

– Было темно, – заспорил страж, – и он прошмыгнул...

– Вот уж не думаю, чтобы он прошмыгнул. Он попросту подошел к дому и загрохотал по двери молотком. Он не стал бы стучать, если б хотел пробраться сюда тайком. Этот человек просто вошел, как любой нормальный гражданин, а вы его проморгали.

Блейк медленно повернулся к стоявшему в дверях мужчине.

– Простите, сэр, – сказал он, – я не знал... Я не хотел поднимать переполох. Просто увидел дом...

– И это еще не все, сенатор, – влез охранник. – Странные дела творятся нынче ночью. Не так давно я заметил тут волка...

– В округе нет волков, – ответил сенатор. – Волков вообще не существует. Их нет уже лет сто, если не больше.

– Но я видел! – жалобно вскричал охранник. – Там, на холме за ручьем. Была яркая вспышка молнии...

– Простите, что заставляю вас стоять тут и слушать эту перебранку, – сказал сенатор Блейку. – В такую ночь лучше сидеть дома.

– Кажется, я заблудился, – ответил Блейк, стараясь не клацать зубами. – Если вы подскажете мне, где я нахожусь, и укажете дорогу...

– Погасите-ка этот ваш фонарь, – велел сенатор охраннику. – И займитесь делом.

Фонарь потух.

– Волки! – сердито воскликнул сенатор. – Ну и ну! – И добавил, обращаясь к Блейку: – Если вы войдете, я смогу прикрыть дверь.

Блейк вошел, и сенатор закрыл за ним дверь.

Блейк огляделся. Он стоял в прихожей.

По обе стороны были двери высотой от пола до потолка, а дальше в комнате в громадном каменном очаге горел огонь. Комната была загромождена тяжелой мебелью в ярких ситцевых чехлах.

Сенатор прошагал мимо Блейка и остановился, чтобы рассмотреть его.

– Меня зовут Эндрю Блейк, – представился Блейк. – Боюсь, я запачкаю полы.

Дождевая вода, стекавшая с него, образовала на полу лужицы. От двери до того места, где стоял Блейк, тянулась цепочка мокрых следов.

Он увидел, что сенатор – высокий худощавый мужчина с коротко остриженными седыми волосами и серебристыми усами над твердым прямым ртом, похожим на зев капкана. Одет он был в белый халат с ажурными лиловыми кружевами по кромкам.

– У вас вид тонущей крысы, – заметил сенатор. – Если вы не имеете ничего против такого сравнения. И сандалии вы поте- рjali.

Он повернулся и открыл одну из боковых дверей, за которой оказался платяной шкаф. Сунув туда руку, сенатор извлек толстый коричневый халат.

– Держите, – сказал он, подавая его Блейку, – это как раз то, что нужно. Настоящая шерсть. Вы, верно, озябли.

– Самую малость, – ответил Блейк, до боли сжав челюсти, чтобы не стучать зубами.

– Шерсть вас согреет, – сказал сенатор. – Редкая вещь. Теперь везде одна синтетика. Но шерсть можно приобрести у одного сумасшедшего, который живет в шотландских горах. Мыслит он почти так же, как я, и считает, что настоящие старые вещи по-прежнему лучше новых подделок.

– Уверен, что вы правы, – ответил Блейк.

– Возьмите, к примеру, этот дом, – продолжал сенатор. – Ему триста лет, а он все так же прочен, как и в тот день, когда его построили. Построили из доброго камня и дерева. Построили искусные рабочие... – Он бросил на Блейка пронизательный взгляд. – Но что это я – стою, разглагольствую, а вы тем временем мало-помалу коченеете. Поднимитесь вон по той лестнице справа. Первая дверь налево. Там моя комната. В шкафу найдете сандалии. Да и шорты ваши тоже, наверное, промокли насквозь.

– Должно быть, так, – ответил Блейк.

– В туалетном столике найдутся шорты и все, что нужно. Ванная справа, как войдете. Десять минут в горячей воде вам не повредят. А я пока велю Элин сделать кофе и распечатать бутылочку доброго коньяка.

– Не утруждайте себя, – сказал Блейк. – Вы и так уже столько сделали...

– Пустяки, – ответил сенатор. – Я рад, что вы заглянули ко мне.

Вцепившись пальцами в шерстяной халат, Блейк взобрался вверх по лестнице и вошел в первую дверь налево. За дверью справа он увидел белую блестящую ванну. А мысль о горячей ванне совсем недурна, подумал он.

Блейк вошел в ванную, бросил коричневый халат на крышку корзины, снял свое замызганное одеяние и швырнул его на пол. Он опустил глаза и удивленно оглядел себя. Он был совершенно гол. Он потерял свои шорты неизвестно где, непонятно как...

Глава 3

Когда Блейк вернулся в большую комнату с камином, сенатор уже ждал его. Он сидел в кресле, а на подлокотнике примостилась темноволосая женщина.

– Э... молодой человек, – сказал сенатор, – вы назвали себя, да я не запомнил имени...

– Эндрю Блейк.

– Уж извините, – проговорил сенатор. – Память у меня уже не такая цепкая, как когда-то. Это моя дочь Элин. А я – Чандлер Гортон. Из бормотания того балбеса на улице вы, конечно же, поняли, что я сенатор.

– Познакомиться с вами, сенатор, и с вами, мисс Элин, большая честь и радость для меня.

– Блейк? – переспросила девушка. – Где-то я слышала это имя. Совсем недавно. Скажите-ка, чем вы знамениты?

– Я? Ничем, – ответил Блейк.

– Но это же было во всех газетах. И по трехмернику вас показывали, в «Новостях». А, теперь знаю! Вы тот человек, который вернулся со звезд...

– Что ты говоришь? – воскликнул сенатор, тяжело поднимаясь с кресла. – Как интересно! Мистер Блейк, вон очень удобное кресло. Можно сказать, почетное место: возле самого камина, и все такое...

– Папе нравится, когда приходят гости, разыгрывать из себя барона или, может быть, сельского сквайра, – сказала Элин Блейку. – Не обращайтесь внимания.

– Сенатор – очень любезный хозяин, – заметил он.

Сенатор взял графин и потянулся за стаканами.

– Я обещал вам коньяку, – сказал он.

– И не забудьте похвалить его, – добавила Элин. – Даже если он лишит вас слова. Сенатор – ценитель коньяков и гордится этим. А чуть погода, если вам захочется, выпьем кофе. Я врубила автошефа-повара...

– Шеф снова заработал? – спросил сенатор.

Элин покачала головой:

– Не очень-то. Но сварил кофе, как я просила, и поджарил яичницу с ветчиной. – Она взглянула на Блейка. – Хотите яичницу с ветчиной? Наверное, она еще не остыла.

Он покачал головой:

– Нет, большое спасибо.

– Это новомодное изобретение годами пекло оладьи, – сказал сенатор. – Что ни наберешь на диске, итог получался один. Правда, отбивные шеф тоже жарил, но редко.

Он вручил всем по стакану и сел в кресло.

– Немудреный уют – вот за что я люблю этот дом, – сказал он. – Триста лет назад его возвел человек, заботившийся о собственном достоинстве и понимавший кое-что в экологии. Поэтому он и построил дом из чистого известняка и леса, который тут рос. Он сделал так, что дом не довлеет над окружающей его природой, а сливается с ней. И здесь нет никакой технической ерундистики, кроме автоповара.

– Мы – люди старомодные, – сказала Элин. – Мне всегда казалось, что жить в таком доме, как этот, все равно что обитать, скажем, в землянке в двадцатом столетии.

– И все-таки дом не лишен своеобразного очарования, – ответил Блейк. – А это ощущение прочности и безопасности...

– Да, вы правы, это в нем есть, – сказал сенатор. – Прислушайтесь к ветру, который тщится ворваться сюда. Прислушайтесь к дождю...

Он покрутил стакан с коньяком.

– Конечно, дом не летает, – продолжал сенатор, – и не будет с вами разговаривать. Но кому нужен летающий и...

– Папа! – воскликнула Элин.

– Простите, сэр, – сказал сенатор, – у меня есть свои привязанности, я люблю о них поговорить и подчас позволяю себе увлечься больше, чем следовало бы. Подозреваю, что иногда я бываю неучтив. Дочь вроде бы сказала, что видела вас по трехмернику...

– Сказала, папа, сказала! Ты совсем не обращаешь на меня внимания. Так увяз в своих биоинженерных слушаниях, что ничего не замечаешь.

– Но ведь это очень важные слушания, милочка, – возразил сенатор. – В скором времени человечеству предстоит принять решение: как быть со всеми этими планетами, которые мы открываем. И я заявляю тебе, что только безумец мог предложить создавать на них земные условия. Подумай, сколько времени и денег проглотит эта работа.

– Кстати, совсем забыла, – сказала Элин. – Мама звонила. Сегодня вечером ее не будет дома. Она прослышала о грозе и решила остаться в Нью-Йорке.

– Прекрасно, – проворчал сенатор. – В такую ночь лучше не путешествовать. Как ей понравился Лондон? Она что-нибудь говорила?

– Она в восторге от спектакля.

– Мюзик-холл, – пояснил сенатор Блейку. – Возрождение древнего развлечения. Очень примитивного, по-моему. Жена прямо больна им. Она у нас человек с претензией на тонкий художественный вкус.

– Какие ужасы ты говоришь! – воскликнула Элин.

– Ничуть не бывало, – ответил сенатор. – Это правда. Однако вернемся к биоинженерии. Может быть, у вас есть на сей счет какое-то мнение, мистер Блейк?

– Нет, вряд ли, – ответил Блейк. – По-моему, я несколько утратил связь с ходом вещей.

– Утратили связь? Да, так и должно было случиться. Эта шумиха вокруг звезд. Теперь я вспоминаю. Вы были в капсуле, и вас нашли какие-то шахтеры с астероидов. В какой системе?

– В окрестностях Антареса. Маленькая звезда, безымянная, только с номером. Но я ничего этого не помню. Меня не оживляли, пока не привезли в Вашингтон.

– И вы ничего не помните?

– Ничегошеньки, – ответил Блейк. – Моя сознательная жизнь началась меньше месяца назад. Я не знаю, ни кто я такой, ни...

– Но у вас есть имя.

– Просто удобства ради, – сказал Блейк. – Я сам его себе выбрал. Джон Смит тоже сгодилось бы. Должен же человек иметь какое-то имя.

– Однако, насколько я помню, какие-то подспудные знания у вас были.

– Да, в том-то и странность. Я знал о Земле, о ее народе, о его обычаях, но во многих отношениях я безнадежно отстал от жизни. Я не перестаю удивляться. Я спотыкаюсь о незнакомые традиции, верования, слова.

– Не надо об этом, – тихо сказала Элин. – Мы не хотим показаться излишне любопытными.

– Ничего, – ответил Блейк. – Я смирился с этим положением вещей. Я попал в странную обстановку, но когда-нибудь, возможно, узнаю все. Может быть, вспомню, кто я такой, где и когда родился, что случилось там, в космосе. А пока, как вы понимаете, я здорово озадачен. Однако здесь все проявили такт, мне подарили жилище. Меня не беспокоят. Дом в маленькой деревушке...

– В деревушке? – спросил сенатор. – Я полагаю, он где-то неподалеку?

– Даже и не знаю, – ответил Блейк. – Со мной произошло нечто странное. Я не знаю, где нахожусь. А деревня называется Мидлтон.

– Это рядом, в долине, – сказал сенатор. – Отсюда и пяти миль не будет. Похоже, мы соседи.

– Я вышел прогуляться после обеда, – рассказал им Блейк. – И смотрел на горы из внутреннего двора. Близилась гроза. Огромные черные тучи и молнии, но до них было еще порядочно далеко. А потом я вдруг оказался на холме за ручьем, напротив вашего дома. Шел дождь, и я насквозь промок.

Он умолк и осторожно установил свой бокал с коньяком на каменную плиту под очагом. Он посмотрел сначала на отца, потом на дочь.

– Вот так все и было, – добавил Блейк. – Я знаю, это звучит дико...

– Это звучит как нечто совершенно невероятное, – ответил сенатор.

– По-видимому, да, – согласился Блейк. – Причем дело не только в пространстве, но и во времени тоже. Я не просто очутился в нескольких милях от места, где стоял. Когда я вышел во дворик, только-только начинало смеркаться, а теперь уже ночь.

– Мне очень жаль, что этот болван-охранник ослепил вас фонарем. Должно быть, оказаться здесь уже было достаточным потрясением. Я не просил охраны. Я даже не хочу иметь ее. Но Женева требует, чтобы ко всем сенаторам была приставлена стража. Почему – я толком и не знаю. Уверен, что в мире нет кровожадных людей. Наконец-то Земля стала цивилизованной, по крайней мере отчасти. Хотя на это ушли долгие годы.

– Но из-за этого биоинженерного вопроса страсти тут накалились, – сказала Элин.

– Он привел лишь к более решительной политике, – возразил сенатор. – И нет никаких причин...

– Есть, – ответила она, – есть. Все эти фанатики, почитающие Библию, все эти заклятые ретрограды и рутинеры ополчились против биоинженерии.

Она повернулась к Блейку.

– Известно ли вам, что сенатор, который живет в доме, построенном триста лет назад, и кичится тем, что в нем нет ни единого технического новшества...

– А повар? – перебил сенатор. – Ты забываешь о поваре.

Она пропустила его слова мимо ушей.

– ...и кичится тем, что в доме нет ни единого технического новшества, связался с шайкой сумасбродов, с архипрогрессивистами, сторонниками далекоидущих преобразований?

– Никаких таких далекоидущих преобразований, – возразил сенатор. – Обыкновенный здравый смысл. Создание земных условий на одной планете обойдется в триллионы долларов. Гораздо быстрее и за умеренную цену мы сможем сконструировать человеческую расу, способную жить на этой планете. Вместо того чтобы подгонять планету под человека, мы подгоним человека под планету.

– В том-то и соль, – сказала Элин. – Мысль о переделке человека стала твоим противником поперек горла. Это существо уже не будет человеком.

– Возможно, его наружность и будет иной, – возразил сенатор, – но человеком оно по-прежнему останется.

– Разумеется, вы понимаете, что я не противница сенатора, – сказала Элин Блейку. – Но иногда бывает ужасно трудно заставить его осознать, с чем он столкнулся.

– Моя дочь выступает как адвокат дьявола, – пояснил сенатор. – И порой это приносит пользу. Но сейчас в этом нет особой нужды. Я и так знаю, насколько ожесточенно действует оппозиция.

Он взял графин. Блейк покачал головой.

– Может быть, я сумею как-то добраться до дома? – сказал он. – Тяжелый выдался вечерок.

– Переночевали бы у нас.

– Спасибо, сенатор, но если есть какая-то возможность...

– Разумеется, – ответил сенатор. – Кто-нибудь из охранников вас отвезет. Лучше воспользоваться наземной машиной: такая ночь не для леталок.

– Буду очень признателен.

– У одного из охранников появится возможность сделать полезное дело, – сказал сенатор. – Ему, по крайней мере, не будут мерещиться волки. Кстати, вы там, на улице, не видели волка?

– Нет, – ответил Блейк, – волка я не видел.

Глава 4

Майкл Даниельс стоял у окна и смотрел, как наземная обслуга на Риверсайде, по ту сторону бульвара, помогает домам заходить на посадку. Черные фундаменты влажно поблескивали в ночи, а в четверти мили от них лежал, как чернильно-черный лист, отражавший посадочные огни Потомак.

Один за другим дома неуклюже спускались с затянутого тучами неба, становились на отведенные для них постаменты, покачивались, осторожно подгоняя посадочные решетки под рельеф фундаментов.

Пациенты прибывают, подумалось Даниельсу. А может, сотрудники возвращаются после выходных. Хотя тут могли оказаться и люди, не связанные с больницей, не сотрудники и не пациенты. Город набит битком: через день или два начнутся окружные слушания по вопросам биоинженерии. Спрос на участки огромный, и передвижные дома втискивали повсюду, где только могли найти стоянку.

Далеко за рекой, где-то над Старой Вирджинией, заходил на посадку корабль. Его огни тускло светились сквозь туман и изморось. Корабль направлялся к космопорту. Следя за его полетом, Даниельс гадал, с какой далекой звезды он сюда прибыл и как долго не был дома. Даниельс грустно улыбнулся своим мыслям. Эти вопросы он задавал себе всегда, с самого отрочества, пребывая в твердой уверенности, что в один прекрасный день отправится в звездные странствия. Хотя Даниельс знал, что нынче всякий мальчишка мечтает о путешествии к звездам.

Влага стекала изломанными ручейками по гладким оконным стеклам, а там, за окнами, все приземлялись парящие дома, занимая немногие незанятые фундаменты. Несколько сухопутных машин плавно проскользили по бульвару. Воздушные подушки широкими веерами поднимали с мокрой земли водяную пыль. Вряд ли в такую ненастную ночь в воздухе много леталок.

Ему давно пора домой. Малыши, наверное, уже спят, но Черил еще не ложилась, ждет его.

На востоке, на границе поля зрения, глаз различал светящуюся отраженным светом прозрачно-белую колонну. Она высилась возле реки, воздвигнутая в честь первых астронавтов, которые пятьсот с лишним лет назад поднялись в космос, чтобы облететь вокруг Земли, – поднялись, увлекаемые грубой необузданной силой, порожденной химической реакцией.

Вашингтон, подумал Даниельс, город, где разрушаются дома, где полным-полно памятников; нагромождение мрамора и гранита, густо поросшее мхом древних воспоминаний, покрывавшим его сталь и его камень. Дух некогда великой мощи еще висел над городом. Бывшая столица старой республики, превратившаяся ныне в местопребывание провинциального губернатора, по-прежнему куталась, будто в мантию, в атмосферу своего бывшего величия.

По мнению Даниельса, лучше всего город смотрелся именно сейчас, когда на него упала мягкая, влажная ночь, создающая иллюзорный фон, по которому движутся призраки.

Приглушенные звуки ночной больницы наполняли комнату, будто шепот, – тихая поступь бредущей по коридору сиделки, смягченное громохание тележки, негромкое жужжание призывного звонка на посту медсестры, находившемся напротив, через коридор...

За спиной Даниельса кто-то распахнул дверь. Он резко обернулся.

– Добрый вечер, Горди.

Гордон Барнс – врач, живущий при больнице, – улыбнулся Даниельсу.

– Я думал, ты уже ушел, – сказал он.

– Как раз собираюсь. Перечитывал доклад. – Он указал на стоявший посреди комнаты стол.

Барнс взял в руки папку с бумагами и взглянул на нее.

– Эндрю Блейк, – сказал он. – Это просто невероятно. Сколько Блейку лет, по-твоему? На сколько он выглядит?

– Не больше тридцати, Майк. Хотя, как мы знаем, хронологически ему может быть лет двести.

– Будь ему тридцать, можно было бы ожидать некоторого ухудшения функций, не правда ли? Организм начинает изнашиваться в двадцать с небольшим лет, функции затухают, и с приближением старости этот процесс все ускоряется.

– Известное дело, – ответил Барнс. – Но у этого Блейка, как я понимаю, все иначе?

– Вот именно, – сказал Даниельс. – Это идеальный экземпляр. Он молод. Он более чем молод. Ни единой слабинки, ни единого изъяна.

– И никаких данных относительно его личности?

Даниельс покачал головой.

– В космическом министерстве прошерстили все бумаги. Он может оказаться любым из многих тысяч людей. За последние два века несколько десятков кораблей попросту исчезли. Взлетели – и ни слуху ни духу. Он может оказаться любым из людей, находившихся на борту этих кораблей.

– Его кто-то заморозил, – сказал Барнс, – и засунул в капсулу. Может быть, это нам что-то подскажет?

– Ты хочешь сказать, что он был такой важной птицей, что кто-то попытался его спасти?

– Нечто в этом роде.

– Вздор, – ответил Даниельс. – Выкинули человека в космос, а какова вероятность, что его снова найдут? Один к миллиарду? Один к триллиону? Не знаю... Космос огромен и пуст.

– Но Блейка нашли.

– Да, знаю, его капсула залетела в солнечную систему, которую заселили менее ста лет назад, и Блейка обнаружила бригада шахтеров с астероидов. Капсула пошла по орбите вокруг астероида, они увидели, как она блестит на солнце, и им стало любопытно. Слишком уж ярко она сверкала, вот они и размечтались: нашли, мол, исполинский алмаз или что-то вроде этого. Еще несколько лет, и он бы грохнулся на астероид. Попробуй-ка вычислить его шансы.

Барнс положил папку на стол, подошел к окну и стал рядом с Даниельсом.

– Я с тобой согласен, – сказал он. – Смысла во всем этом мало. Но судьба помогла парню. Даже после того, как его нашли, кто-то мог взломать капсулу. Они знали, что внутри человек. Капсула была прозрачная, и они видели его. Кому-то могло взбрести в голову оттащить и оживить его. Быть может, этим стоило заняться. Возможно, ему было известно нечто ценное для них, как знать...

– Пользы от него... – ответил Даниельс. – Но это уже второй интересный вопрос. Разум Блейка совершенно пуст, если не считать общего фона, причем такого фона, который человек мог бы получить только на Земле. Он знает язык, обладает человеческим мировоззрением и знаниями по основным вопросам обычного человека, живущего двести лет назад. И все. Что могло с ним произойти, кто он такой и откуда родом, он совершенно не помнит.

– Нет никаких сомнений в том, что он – уроженец Земли, а не одной из звездных колоний?

– Похоже, что нет. Когда мы его оживили, он уже знал, что такое Вашингтон и где он находится, но все еще считал его столицей Соединенных Штатов. Знал он и многое другое,

такое, что мог знать только землянин. Как ты понимаешь, мы протащили его через целую кучу тестов.

– Как у него дела?

– Судя по всему, хорошо. Я не получал от него вестей. Он живет в маленькой общине к западу отсюда, в горах. Он решил, да и я тоже, что ему нужно немного отдохнуть, нужно время, чтобы прийти в себя. Вероятно, это даст ему возможность поразмыслить, нащупать свое прошлое. Может, теперь он уже начинает вспоминать, кем и чем он был. Это не моя затея – я не хотел ничем его утруждать. Но мне думается, что, если он все вспомнит, это будет вполне естественно. Он и сам немного расстроен положением дел.

– А если вспомнит, расскажет тебе?

– Не знаю, – ответил Даниельс. – Может быть, и расскажет. Но я не связывал его никакими обещаниями. Это, по-моему, было бы неразумно. Пусть делает все по собственной воле, а если у него возникнут затруднения, он, наверное, свяжется со мной.

Глава 5

Блейк стоял во внутреннем дворике и смотрел, как удаляются красные стоп-сигналы быстро движущейся по улице машины. Дождь прекратился, и в просветах между стремительно летящими тучами виднелись немногочисленные звезды. Дома на улице стояли черные, горели только лампочки во дворах; в его собственном доме была освещена прихожая – знак того, что дома поджидают хозяина. На западе громоздились горы – черное пятно на фоне неба.

Дул холодный северо-западный ветер. Блейк плотно запахнул на груди коричневый шерстяной халат, закутался в него до самых ушей, съежился и, пройдя через дворик, поднялся по короткой лестнице с тремя ступеньками к двери. Та открылась, и он шагнул внутрь.

– Добрый вечер, сэр, – сказал Дом и добавил укоризненно: – Похоже, вы припозднились.

– Со мной что-то случилось, – ответил Блейк. – Не знаешь, что бы это могло быть?

– Вы покинули внутренний дворик, – сказал Дом, негодуя: от него требовали сведений, которых он не мог дать. – Вам, разумеется, известно, что наша опека не распространяется за его пределы.

– Да, – промямлил Блейк, – известно.

– Вы должны были сообщить нам о том, что уходите, – строго сказал Дом. – Вы могли бы условиться о связи с нами. Мы бы снабдили вас соответствующей одеждой. А так что получается? Я вижу, вы вернулись в одежде, отличной от той, которая была на вас, когда вы уходили.

– Я взял ее взаймы у друга, – ответил Блейк.

– Пока вас не было, на ваше имя поступило сообщение, – сказал Дом. – Оно в почтографе.

Почтограф стоял сбоку от входа. Блейк вытащил торчавший из передней стенки листок бумаги. Записка, выведенная аккуратным четким почерком, была краткой и официальной. В ней говорилось: «Если мистер Эндрю Блейк сочтет удобным для себя связаться с мистером Райаном Уилсоном из городка Уиллоу-Гроув, он сможет узнать нечто чрезвычайно полезное».

Блейк осторожно держал бумажку в пальцах. Невероятно, думал он. Это пахнет мелодрамой.

– Уиллоу-Гроув? – переспросил он.

– Мы посмотрим, где это, – ответил Дом.

– Будьте добры! – проговорил Блейк.

– Ванна сейчас будет готова, – сказал Дом. – Если, конечно, вы хотите.

– И еду недолго сварить! – крикнула Кухня. – Что желаете, хозяин?

– Как насчет яичницы с ветчиной и пары ломтиков поджаренного хлеба?

– Мне одинаково легко сделать все, что угодно, – сказала Кухня. – Гренки с сыром?

Омар?

– Яичницу с ветчиной, – заявил Блейк.

– Как быть с обстановкой? – спросил Дом. – Мы неприлично долго не меняли ее.

– Нет, – устало ответил Блейк, – оставь все как есть. Не трогай обстановку. Какая разница...

– Еще какая, – резко произнес Дом. – Существует такая штука, как...

– Оставь ее в покое, – повторил Блейк.

– Как вам угодно, хозяин, – сказал Дом.

– Сначала поесть, потом – в ванну, – проговорил Блейк. – И спать. У меня был трудный день.

– А что с запиской?

– Пока не думай о ней. Утром все решим.

– Городок Уиллоу-Гроув находится к северо-западу отсюда, – сказал Дом. – Пятьдесят семь миль. Мы посмотрели по карте.

Блейк пересек гостиную, вошел в столовую и уселся за стол.

– Вам надо прийти и забрать еду, – заявила Кухня. – Я не могу ее вам принести.

– Знаю, – ответил Блейк. – Скажешь, как только все будет готово.

– Вы уже сидите за столом!

– Человек имеет право сидеть там, где пожелает! – вспыхнул Дом.

– Да, сэр! – воскликнула Кухня.

Дом снова умолк, а усталый до изнеможения Блейк пересел в кресло. Он заметил, что в комнате мультобои. Хотя, если вдуматься, это даже и не обои, на что Дом указал Блейку еще в день его приезда.

Появилось такое множество разных новинок, что Блейк часто чувствовал себя обескураженным.

Обои изображали лес и луга, по которым бежал ручеек. К ручью опасно подскочил кролик. Остановившись возле пучка клевера, он сел и принялся ощипывать цветы. Уши его покачивались из стороны в сторону. Кролик стал чесаться, склонив голову набок и мягко поглаживая себя длинной задней лапой. Ручеек искрился в солнечном свете, сбегал с маленьких порогов. По поверхности воды неслись крапинки пены и опавшие листья. Прилетела и села на дерево птица. Задрав головку, она запела, но звука не было.

– Включить звук? – спросила Столовая.

– Нет, спасибо. Что-то не хочется. Я бы просто посидел и отдохнул. Может быть, как-нибудь в другой раз.

Посидеть, отдохнуть, подумать, разобраться. Попытаться понять, что с ним случилось, как это могло случиться и, конечно же, почему. Определить, кто он или что он такое, кем был раньше и кем мог стать теперь. Все это какой-то кошмарный сон наяву, подумал он.

Однако вполне возможно, что утром ему снова будет хорошо. Или покажется, что все снова хорошо. Будет сиять солнце, и мир zalъется ярким светом. Он пойдет гулять, поболтает кое с кем из соседей по улице, и все будет в порядке. Может быть, надо попросту забыть обо всем этом, вымести вон из сознания? Может быть, такое больше никогда не повторится, а если не повторится, то зачем тревожиться?

Он неловко заерзал в кресле.

– Который час? – спросил он. – Долго ли меня не было?

– Почти два, – ответил Дом. – А ушли вы в восемь или в самом начале девятого.

Шесть часов, подумал Блейк.

А он помнит не больше двух из них. Что же случилось в остальные четыре и почему он не может вспомнить их? Если уж на то пошло, почему он не может вспомнить то время, которое провел в космосе? То, что предшествовало его полету в космос? Почему жизнь его должна начаться с того мига, когда он открыл глаза на больничной койке в Вашингтоне? Были же другие времена, другие годы. Было у него когда-то и имя, была и биография. Что же случилось, что же стерло все это?

Кролик кончил жевать клевер и ускакал. Птица сидела на ветке, но больше не пела. Вниз по стволу дерева бежала белка; в паре футов от земли она остановилась, молниеносно развернулась и вновь помчалась вверх. Добравшись до сучка, она немного пробежала по нему и замерла, возбужденно подергивая хвостиком.

Как будто у окна сидишь, подумал Блейк, глядя на лесной пейзаж. Изображение не плоское, есть у него и глубина, и перспектива, а краски пейзажа не нарисованы: они такие, словно смотришь на настоящую природу.

Дом до сих пор обескураживал и смущал Блейка, а иногда и стеснял. В его фоновой памяти не было ничего такого, что могло бы подготовить его к подобным вещам. Хотя он вспомнил, что в те туманные времена, которые предшествовали полному забвению, кто-то (имени он не помнил) раскрыл загадку гравитации, а применение солнечной энергии стало обычным делом.

Однако Дом не только питался от собственной солнечной электростанции и летал при помощи антигравитационного приспособления. Он был чем-то большим, нежели просто дом. Это был робот, робот с введенной в него программой вышколенного слуги, а иногда в нем, казалось, просыпался материнский инстинкт. Он заботился о людях, которых приютил. Мысль об их благополучии прочно засела в его машинном мозгу. Дом болтал с людьми, обслуживал их, одергивал, хвалил, ворчал на них и баловал их. Он играл сразу три роли – жилища, слуги и приятеля. Со временем, подумалось Блейку, человек начнет относиться к своему дому как к верному и любящему другу.

Дом делал для вас все. Кормил, обстирывал, укладывал спать, а дай ему волю, он бы вам и нос вытирал. Он смотрел за вами, предугадывал любое желание, а порой создавал вам неудобства своим неумным усердием. Он выдумывал всякую всячину, которая, по его мнению, могла бы вам понравиться, – вроде этих мультобоев (тьфу, да не обои это вовсе!) с кроликом и поющей птичкой.

Однако к этому надо привыкнуть, сказал себе Блейк. Может быть, человеку, всю жизнь прожившему в таком доме, привыкать и не нужно. А вот если ты вернулся со звезд – бог знает откуда и из каких времен – и тебя швырнули сюда, тогда надо привыкать.

– Яичница с ветчиной готова! – громко объявила Кухня. – Идите и забирайте!

Глава 6

Он пришел в себя и обнаружил, что сидит, съезжившись, в совершенно незнакомом и странном помещении, заставленном предметами искусственного происхождения, выполненными главным образом из дерева, а также из металла и ткани.

Его реакция была молниеносной. Он перестроился в пирамиду, форму твердого состояния, и окружил себя изолирующей сферой. Проверил, есть ли поблизости энергия, которая нужна ему для обеспечения собственных жизненных и мыслительных процессов, и обнаружил, что энергии много – целая волна из источника, нахождение которого определить не удавалось.

Теперь можно приступить к размышлениям. Мысль работала ясно и четко. Паутинка сонливости больше не мешала думать. Пирамидальное тело обладало идеальной массой, обеспечивающей ему стабильность и театр мыслительных операций.

Мысли он направил на случившееся с ним: каким образом после неопределенного промежутка времени, когда он едва существовал, если существовал вообще, он вдруг вновь стал самим собой, обрел форму и способность к действиям?

Стоило попытаться вернуться к самому началу, но начала не было, вернее, какое-то начало проглядывало, но оно было слишком размытым и неясным. И снова он искал, шарил, бродил по темным коридорам разума, но так и не находил точки, от которой можно было вести твердый и определенный отсчет.

А быть может, вопрос следовало поставить иначе: было ли у него прошлое? Его разум буквально захлестывала пенная волна с обломками, приносимыми из прошлого, – обрывки информации, напоминающие фоновую радиацию вокруг планет. Он пытался упорядочить пену и структуру, но структуры не выходило, обломки информации никак не хотели состыковываться.

Где же память, в панике подумал он, была же она раньше? Возможно, и сейчас информация есть, но что-то ее заслоняет, прячет, и лишь отдельные блоки данных выглядывают тут и там, и большей частью их невозможно с чем-либо соотнести...

Он снова окунулся в мешанину плывущих из прошлого обрывков и обломков и обнаружил воспоминание о неприветливой скалистой земле с массивным, как сами скалы, черным цилиндром, уходящим в серое небо на головокружительную высоту. Внутри цилиндра скрывалось что-то настолько невообразимое, грандиозное и поразительное, что разум отказывался воспринимать его.

Он поискал смысл воспоминания, хотя бы намек, но не нашел ничего, кроме образа черных скал и устремленного из них ввысь черного мрачного цилиндра.

Неохотно расставшись с этой картинкой, он перешел к следующей. На этот раз воспоминание оказалось поросшей цветами лощиной, переходящей в луг; луг благоухал тысячами ароматов, источаемых полевыми цветами. В воздухе вибрировали звуки музыки, в цветах шумно возились живые существа, и опять он знал, во всем этом имелся какой-то смысл, но без ключа понять его было невозможно, а ключ никак не находился.

Однажды возник еще некто. Другое существо, и он был им, этим существом, которое улавливало картины и образы, овладевало ими и затем передавало; и не только образы, но и сопутствующую информацию. Картины, хоть и перепутанные, все еще хранились в мозгу, зато информация каким-то образом исчезла.

Он сжался еще больше, все глубже уплотняясь в пирамиду; мозг разрывали пустота и хаос, и он судорожно попытался вернуться в свое забытое прошлое, чтобы встретить то, другое, существо, которое охотилось за картинами и информацией.

Но искать было бесполезно. Он не знал, как дотянуться до того, другого, как прикоснуться к нему. И зарыдал от одиночества – в глубине себя, без слез и всхлипов, поскольку не умел проливать слезы или всхлипывать.

Потом он еще глубже зарылся во время и вдруг обнаружил период, когда еще не было того, другого, существа, а он все равно работал с данными и построенными на данных абстракциями, однако информация и понятия были бесцветными, а экстраполированные картины – жесткими, застывшими, а порой и устрашающими.

Бессмысленно, подумал он. Бессмысленно пытаться.

Он так и не разобрался в своих воспоминаниях, он был собой лишь наполовину и не мог стать целым из-за отсутствия исходного материала. Ощувив накатывающую на него темноту, он не стал сопротивляться, а дождался ее и растворился в ней.

Глава 7

Блейк очнулся под вопли Комнаты.

– Куда вы ушли? – кричала она на него. – Куда вы ходили? Что с вами случилось?

Он сидел на полу посреди комнаты, поджав под себя ноги. А между тем ему следовало бы лежать в кровати. Комната снова завела свое.

– Куда вы ушли? – гремела она. – Что с вами случилось? Что...

– Ой, да замолчи ты, – сказал Блейк.

Комната замолчала. В окно струился свет утреннего солнца, где-то на улице щебетала птица. В комнате все как обычно, никаких изменений. Он помнил, что, когда ложился спать, она имела точно такой же вид.

– А теперь скажи мне, что именно тут произошло, – потребовал Блейк.

– Вы ушли! – взвыла Комната. – И построили вокруг себя стену...

– Стену?!

– Какое-то ничто, – отвечала Комната. – Какое-то сферическое ничто. Вы заполнили меня облаком из ничего.

– Ты с ума сошла, – сказал Блейк. – Как я мог это сделать?

Однако, не успев произнести эти слова, он понял, что Комната права. Комната умела только докладывать о тех явлениях, которые улавливала. Такой штукой, как воображение, она не обладала. Комната была всего лишь машиной и не имела опыта по части суеверий, мифов и сказок.

– Вы исчезли, – заявила Комната. – Завернулись в ничто и исчезли. Но прежде чем исчезнуть, вы изменились.

– Как это я мог измениться?

– Не знаю, но вы изменились. Вы растаяли и обрели иную форму или начали обретать иную форму. А потом закутались в ничто.

– И ты меня не чувствовала? И поэтому решила, что я исчез?

– Я вас не чувствовала, – ответила Комната. – Я не умею проникать сквозь ничто.

– Сквозь ЭТО ничто?

– Сквозь любое ничто, – сказала Комната. – Я не умею анализировать ничто.

Блейк поднялся с пола и потянулся за шортами, которые бросил накануне вечером. Надев их, он взял коричневый халат, висевший на спинке стула.

Халат оказался шерстяным. И Блейк вдруг вспомнил вчерашний вечер, вспомнил странный каменный дом, сенатора и его дочь.

– Вы изменились и создали вокруг себя оболочку из ничего.

Но он не помнил этого. Никакого намека на странное превращение не было в его памяти.

Не помнил он и случившегося накануне вечером – с того мига, когда вышел во внутренний дворик, и до момента, когда обнаружил, что стоит в добрых пяти милях и вокруг завывает буря.

– Господи, что же происходит? – спросил Блейк себя.

Он плюхнулся на кровать и положил халат на колени.

– Комната, – спросил он, – а ты уверена?

– Я уверена, – твердо ответила Комната, – что я бы не стала фантазировать.

– Да, конечно, не стала бы...

– Фантазия нелогична, – сказала Комната.

– Да, разумеется, ты права, – ответил Блейк. Он поднялся, накинул халат и двинулся к двери.

– Вам больше нечего сказать? – укоризненно сказала Комната.

– А что я могу сказать? – отозвался Блейк. – Ты знаешь об этом больше моего.

Он вышел в дверь и зашагал вдоль балкона. У лестницы Дом встретил его своим обычным утренним приветствием.

– С добрым утром, сэр, – сказал он. – Солнце взошло и светит ярко. Буря кончилась, и туч больше нет. Прогнозы обещают ясную и теплую погоду. Температура сейчас сорок девять градусов, а в течение дня она превысит шестьдесят градусов¹. Прелестный осенний день, и все вокруг очень красиво. Чего изволите пожелать, сэр? Отделка? Мебель? Музыка?

– Спроси его, что подать на стол! – завопила Кухня.

– И что подать вам на стол? – спросил Дом.

– Может быть, овсянку?

– Овсянку! – вскричала Кухня. – Вечно эта овсянка! Или яичница с ветчиной. Или оладьи. Почему бы хоть разок не съесть что-нибудь эдакое? Почему...

– Овсянку, – твердо сказал Блейк.

– Человек хочет овсянки, – произнес Дом.

– Ладно, – сдалась Кухня. – Одна порция овсянки на подходе!

– Не обращайтесь на нее внимания, – сказал Дом. – В программу Кухни заложены всякие замысловатые рецепты, по которым она большая специалистка, но у нее почти не бывает возможностей воспользоваться хотя бы одним из них. Почему бы вам, сэр, когда-нибудь, просто забавы ради, не разрешить Кухне...

– Овсянки, – сказал Блейк.

– Хорошо, сэр. Утренняя газета на лотке в почтографе, но сегодняшнее утро небогато новостями.

– Если не возражаешь, я посмотрю ее сам, – сказал Блейк.

– Конечно, сэр. Как вам угодно, сэр. Я лишь стараюсь информировать...

– Постарайся не перестараться, – посоветовал Блейк.

– Извините, сэр, – сказал Дом. – Я буду следить за собой.

В прихожей Блейк взял газету и сунул ее под мышку, потом подошел к окну в боковой стене и выглянул наружу. Соседний дом исчез. Платформа опустела.

– Они уехали нынче утром, – объяснил Дом. – Около часа назад. Думаю, ненадолго, в отпуск. Мы все очень рады...

– Мы?

– Да, а что? Все остальные дома, сэр. Мы рады, что они уехали ненадолго и вернуться опять. Они очень хорошие соседи, сэр.

– Ты, похоже, много о них знаешь. А я даже не разговаривал с ними.

– О, – произнес Дом, – я не о людях, сэр. Я не о них говорил. Я имел в виду сам дом.

– Значит, и вы, дома, смотрите друг на друга как на соседей?

– Ну разумеется. Мы наносим визиты, болтаем о том о сем.

– Обмениваетесь информацией?

– Естественно, – ответил Дом. – Но давайте поговорим об интерьере.

– Меня вполне устраивает и нынешний.

– Он не менялся уже много недель.

– Что ж, – задумчиво произнес Блейк, – попробуй поупражняться с обоями в столовой.

– Это не обои, сэр.

– Знаю, что не обои. Я хочу сказать, что мне уже начинает надоедать созерцание кролика, щиплющего клевер.

– Что бы вы хотели вместо кролика?

¹ По Фаренгейту соответственно 9 °C и 15 °C.

– Что угодно, на твой вкус. Лишь бы там кроликов не было.

– Но мы можем создавать тысячи комбинаций, сэр.

– Что твоей душе угодно, – сказал Блейк. – Только смотри, чтобы без кроликов.

Он отвернулся от окна и пошел в столовую. Со стен на него уставились глаза – тысячи глаз, глаз без лиц, глаз, сорванных с множества лиц и наклеенных на стены. Глаз, составляющих пары и существующих поодиночке. И все они смотрели прямо на Блейка.

Были здесь синие детские глазки, глядевшие с задумчивой невинностью; глаза, налитые кровью и горевшие устрашающим огнем; был глаз распутника и мутный, слезящийся глаз дряхлого старика. И все они знали Блейка, знали, кто он такой. Если бы к этим глазам прилагались рты, все они сейчас говорили бы с Блейком, кричали на него, строили ему гримасы.

– Дом! – воскликнул он.

– В чем дело, сэр?

– Глаза!

– Сэр, вы же сказали: все, что угодно, только не кроликов. Я подумал, что глаза – нечто совершенно новое...

– Убери их отсюда! – взревел Блейк.

Глаза исчезли, и вместо них появился пляж, сбегавший к морю. Белый песок тянулся до вздымающихся волн, бьющихся о берег, а на далеком мысу гнулись под ветром хилые, истерзанные стихией деревья. Над водой с криками летали птицы, а в комнате стоял запах соли и песка.

– Лучше? – спросил Дом.

– Да, – ответил Блейк, – гораздо лучше. Большое спасибо.

Он сидел, замороженно глядя на эту картину. Как на пляже сидишь.

– Мы включили звук и запах, – сказал Дом. – Можем добавить и ветер.

– Нет, – ответил Блейк, – этого вполне достаточно.

Грохочущие волны набегали на берег, птицы с криками реяли над ними, по небу катились черные тучи. Интересно, существует ли нечто такое, что Дом не способен воспроизвести на этой стене? Тысячи комбинаций, сказал он. Человек может сидеть здесь и смотреть на то, что создал Дом.

Дом, подумал Блейк. Что такое дом? Как он развился в то, чем стал? Сначала, на туманной заре человечества, дом был всего лишь укрытием, защищавшим людей от ветра и дождя, местом, куда можно было забиться, спрятаться. И это определение применимо к нему и сейчас, но теперь люди не только забиваются и прячутся в него: дом стал местом для жизни. Быть может, когда-нибудь в будущем настанет день и человек перестанет покидать свой дом, будет проводить в нем всю свою жизнь, не отваживаясь выглянуть за дверь, избавившись от необходимости или потребности пускаться в странствия.

И этот день, сказал себе Блейк, может быть ближе, чем думают. Поскольку дом уже не просто укрытие и не просто место, где живут. Он стал приятелем и слугой, и в его стенах найдется все, что может понадобиться человеку.

Рядом с гостиной располагалась маленькая комнатка, где стоял трехмерник – естественное продолжение и плод развития телевидения, которое Блейк знал еще двести лет назад. Но теперь его не смотрели и слушали, а как бы ощущали на себе. Растянувшийся вдоль стены кусочек морского берега – частица образа, подумал Блейк. Оказавшись в этой комнате и включив прибор, вы общаетесь к действию и словно участвуете в спектакле. Вас не просто подхватывают и обволакивают звуки, запахи, вкус, температура и ощущение происходящего; вы как-то незаметно превращаетесь в сознающую и сопереживающую частицу того действия и того чувства, которое разворачивает перед вашими глазами комната.

А напротив трехмерника, в углу жилой зоны, располагалась библиотека, храня в своем наивном электронном естестве всю литературу, уцелевшую на протяжении долгой истории человечества. Здесь можно было поворотом диска вызвать к жизни все еще сохранившиеся мысли и надежды любого человеческого существа, когда-либо писавшего слова в надежде запечатлеть на бумажном листе собранные воедино чувства, убеждения и опыт, ключом бьющие из глубин разума.

Этот дом далеко ушел от своих собратьев двухсотлетней давности, превратившись в строение и институт, достойные удивления. Быть может, еще через двести лет он изменится и усовершенствуется настолько, насколько изменился за два прошедших века. Есть ли предел развитию самого понятия «дом»? – спросил себя Блейк.

Он развернул газету и увидел, что Дом был прав: новостей оказалось немного. Еще троих человек выбрали в кандидаты на Кладезь Разума, и теперь они войдут в число избранных, чьи мысли и характеры, знания и ум вот уже триста лет вводятся в большой банк разума, хранящий в своих сердечниках накопленные умнейшими людьми планеты суждения и идеи.

Североамериканский проект изменения погоды в конце концов отослали на просмотр в Верховный Суд, заседавший в Риме.

Перебранка по вопросу о судьбе креветок побережья Флориды все еще продолжается.

Исследовательский звездолет, отсутствовавший десять лет и считавшийся пропавшим, наконец приземлился в Москве.

И последнее: окружные слушания по предложенным биоинженерами программам начнутся в Вашингтоне завтра. Статья о биоинженерии сопровождалась двумя заметками, по колонке каждая. Одну написал сенатор Чандлер Гортон, вторую – сенатор Соломон Стоун.

Блейк свернул газету и уселся читать.

«ВАШИНГТОН, СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА. Завтра здесь откроются окружные слушания. Два сенатора Северной Америки вступят в единоборство из-за плана вызывающей многочисленные споры биоинженерной программы. Ни один проект последних лет не будоражил до такой степени воображение общественности. Нет в сегодняшнем мире вопроса, вызывающего большие разногласия.

Два североамериканских сенатора занимают диаметрально противоположные позиции. Впрочем, они соперничали друг с другом на протяжении почти всей своей политической карьеры. Сенатор Чандлер Гортон твердо стоит за одобрение предложения, которое в начале будущего года будет вынесено на всемирный референдум. Сенатор Соломон Стоун находится в столь же твердой оппозиции к нему.

В том, что эти два человека оказались по разные стороны баррикад, нет ничего нового. Но политическое значение этого вопроса возрастает в связи с так называемым принципом Единогласия, предусматривающим, что по вопросам такого рода, вынесенным на всемирный референдум, наказания избирателей должны быть единогласно утверждены членами Всемирного Сената в Женеве. Таким образом, при голосовании «за» от сенатора Стоуна потребуют отдать свой голос в сенате в поддержку мероприятия. Не сделав этого, он вынужден будет отступить, подав в отставку. Тогда будут назначены специальные выборы для замещения вакансии, образовавшейся в результате его отставки. В списки на внеочередные выборы попадут лишь те кандидаты, которые предварительно объявили о своей поддержке мероприятия.

Если референдум отклонит мероприятие, точно в таком же положении окажется сенатор Гортон.

В прошлом в подобных ситуациях некоторые сенаторы сохраняли свои посты, голосуя за предложения, против которых они возражали. Ни Стоун, ни Гортон, по мнению большинства обозревателей, на это не пойдут. Оба поставили на карту свое доброе имя и политиче-

скую карьеру. Их политические философии находятся на противоположных полюсах спектра, и многолетняя личная неприязнь друг к другу стала в сенате притчей во языцех. Сейчас никто не верит, что тот или другой...»

– Простите, сэр, – сказал Дом, – но Верхний Этаж информирует меня, что с вами происходит нечто странное. Надеюсь, вы здоровы?

Блейк поднял голову.

– Да, – ответил он, – я здоров.

– Однако мысль повидаться с врачом, вероятно, покажется вам достойной внимания, – настаивал Дом.

Блейк отложил газету. В конце концов, несмотря на всю свою чопорность, Дом действует из лучших побуждений. Ведь это вспомогательный механизм, и единственная его цель и забота – служить человеческому существу, которому он дает кров.

– Может, ты и прав, – сказал Блейк.

Несомненно, что-то было не так.

За сутки с ним дважды происходило нечто странное.

– В Вашингтоне был какой-то врач, – сказал он. – В той больнице, куда меня привезли, чтобы оживить. По-моему, его звали Даниельс.

– Доктор Майкл Даниельс, – сказал Дом.

– Ты знаешь его имя?

– У нас есть полное досье на вас, – отвечал Дом. – А иначе мы не смогли бы обслужить вас должным образом.

– Значит, у тебя есть его номер? Ты можешь позвонить ему?

– Разумеется. Если вы этого пожелаете.

– Будь любезен, – сказал Блейк. Он положил газету на стол, поднялся и пошел в гостиную. Там уселся перед телефоном, и маленький экран, моргая, засветился.

– Минутку, – проговорил Дом.

Экран прояснился, и на нем появились голова и плечи доктора Майкла Даниельса.

– Это Эндрю Блейк. Вы меня помните?

– Конечно, помню, – ответил Даниельс. – Только вчера вечером думал о вас. Как у вас дела?

– Физически я в полном порядке, – сказал Блейк. – Но у меня были... наверное, вы назвали бы их галлюцинациями, хотя это нечто совсем иное.

– Но вы не думаете, что это галлюцинации?

– Совершенно уверен, что нет, – ответил Блейк.

– Вы не могли бы приехать? – спросил Даниельс. – Я хотел бы обследовать вас.

– Приеду с радостью, доктор.

– Вашингтон расползается по швам, – сообщил Даниельс. – Все забито, люди прибывают на этот биоинженерный спектакль. Напротив нас, через улицу, есть стоянка для домов. Вы подождете, пока я справлюсь о свободных местах?

– Подожду, – ответил Блейк.

Лицо Даниельса исчезло, и на экране заплясали размытые и неясные очертания кабинета.

Послышался громовой голос Кухни:

– Одна порция овсянки готова! И кусок поджаренного хлеба тоже! И яичница с ветчиной тоже! И кофейник с кофе тоже!

– Хозяин разговаривает по телефону, – укоризненно проговорил Дом. – И заказывал он только овсянку.

– А может, хозяин передумает, – возразила Кухня. – Может, овсянки не хватит. Может, он голоднее, чем ему кажется. Вы же не хотите, чтобы про нас говорили, будто мы морим его голодом.

Даниельс вновь появился на экране.

– Спасибо, что дождались, – сказал он. – Я проверил, свободного места сейчас нет. Утром освободится один фундамент, я зарезервировал его для вас. Вы можете подождать до утра?

– Наверное, могу, – ответил Блейк. – Я хотел только поговорить с вами.

– Но мы можем поговорить прямо сейчас.

Блейк покачал головой.

– Понимаю, – сказал Даниельс. – Тогда до завтра. Скажем, в час дня. Каковы ваши планы на сегодня?

– У меня нет никаких планов.

– А почему бы вам не отправиться на рыбалку? Отвлечетесь, займетесь делом. Вы рыболов?

– Не знаю. Не думал об этом. Может, и был рыболовом. Название этого вида спорта мне знакомо.

– Кое-что мало-помалу возвращается, – сказал Даниельс. – Вспоминается...

– Не вспоминается. Просто формируется фон. Временами какая-то крупница встает на свое место, но все это едва ли что-либо говорит мне. Кто-то что-то скажет или я о чем-то прочитаю и вдруг понимаю, что это мне знакомо. Вдруг узнаю какое-то высказывание, явление или место. Что-то такое, что я знал в прошлом, с чем сталкивался, но не помню, как, когда и в каких условиях.

– Если б в этом вашем фоне нашлась для нас какая-нибудь зацепка, нам было бы легче, – сказал Даниельс.

– Я просто живу с этим фоном, – сообщил Блейк. – Кроме него, мне не на что опереться.

– Ладно, – отступился Даниельс. – Сегодня поудите рыбку влать, а завтра увидимся. Кажется, неподалеку от вас есть речушки с форелью. Поищите одну из них.

– Спасибо, доктор.

Телефон со щелчком отключился, экран померк. Блейк отвернулся.

– После завтрака во внутреннем двореке вас будет ждать леталка. Рыболовные снасти вы найдете в задней спальне, которая используется под кладовку, а Кухня соберет вам ленч. Ну а я пока поищу хороший ручей с форелью и подскажу вам, как к нему добраться и...

– Прекратите болтовню! – загремела Кухня. – Завтрак стынет!

Глава 8

Вода пенилась в завалах из упавших деревьев и кустов. Речка бурливо обтекала препятствие, но затем успокаивалась, образуя черную заводь.

Блейк осторожно направил похожую на стул леталку к земле и посадил ее рядом с запрудой у березовой рощи. Когда леталка остановилась, он отключил гравитационное поле. Несколько минут Блейк неподвижно сидел в кресле, слушая журчание воды; глубокая, тихая заводь очаровала его. Впереди к небу возносился горный кряж.

Наконец Блейк выбрался из леталки и отвязал от спинки корзину с обедом, чтобы достать рыболовные снасти. Он поставил корзину сбоку, на траву рядом с березами, росшими на берегу.

Что-то завозилось в запруде из перекореженных древесных стволов, лежавших поперек ручья. Блейк резко обернулся на звук. Из-под бревна на него смотрела пара маленьких блестящих глаз. Норка, подумал Блейк, а может быть, выдра.

– Эй, ты, – сказал он, – не возражаешь, если я попытаю тут счастья?

– Эй, вы, – ответило существо высоким писклявым голосом, – какое счастье вы хотите попытать?

– Что ты... – Голос Блейка замер.

Существо выбралось из-под бревна. Оно оказалось и не норкой, и не выдрой, а двуногим зверьком, словно сошедшим со страниц детской книжки. Волосатую мордочку грызуна венчал высокий куполообразный череп, над которым торчала пара остроконечных ушек с кисточками на концах. Существо имело около двух футов роста, и его туловище покрывала гладкая меховая шубка бурого цвета. Оно было одето в ярко-красные штанишки, состоявшие чуть ли не из одних карманов, а ручки существа оканчивались длинными тонкими пальцами.

– Может быть, в этой корзине найдется еда? – спросило оно своим писклявым голосом.

– Да, разумеется, – ответил Блейк. – Ты, как я понимаю, голоден?

Это, конечно же, какое-то наваждение. Вот сейчас, через минуту, если не меньше, картинка из детской книжки исчезнет и он сможет заняться рыбной ловлей.

– Я просто умираю от голода, – подтвердила картинка. – Люди, которые подкармливают меня, уехали в отпуск, и с тех пор я попрошайничаю. Может быть, и вам когда-нибудь приходилось добывать себе пропитание подобным образом?

– Не знаю, – ответил Блейк.

Существо не исчезло. Оно по-прежнему находилось здесь и разговаривало, и от него не было избавления. Боже мой, подумал Блейк, опять начинается!

– Если ты голоден, – сказал он, – давай заглянем в корзинку. Что ты больше всего любишь?

– Я ем все, что считают съедобным люди. Мой обмен веществ удивительно схож с обменом веществ у землян.

Они вместе подошли к корзинке, и Блейк поднял крышку.

– Кажется, мое появление из-под груды бревен оставило вас равнодушным, – сказала существо.

– Это не мое дело, – ответил Блейк, пытаясь заставить себя соображать быстрее и чувствуя, что ему это не удастся. – Тут у нас есть бутерброды, пирог, горшочек с... да, с салатом из помидоров, яичница с пряностями...

– Если вы не возражаете, я возьму парочку бутербродов.

– Давай, не стесняйся, – пригласил Блейк.

– А вы не составите мне компанию?

– Я только что позавтракал.

Существо село и с аппетитом набросилось на еду, держа в каждой руке по бутерброду.

– Простите мне такое некрасивое поведение за столом, – сказала оно Блейку, – но я уже почти две недели толком не ел. Наверное, я переоценивал щедрость людей. Те, кто обо мне заботился, приносили хорошую еду. Не в пример большинству людей, которые поставят тарелку молока, и все.

Существо ело. На его подрагивающие бакенбарды налипли крошки. Покончив с бутербродами, оно протянуло руку, но потом остановилось, и рука замерла над корзинкой.

– Вы не возражаете? – спросило оно.

– Ничуть, – ответил Блейк.

Существо взяло еще один бутерброд.

– Простите меня, – сказала оно, – но сколько вас здесь?

– Сколько здесь меня?

– Да, вас. Сколько вас тут?

– Но ведь я один, – удивился Блейк. – Откуда же взяться другим «я»?

– Конечно, это очень глупо с моей стороны, – сказала существо, – но когда я впервые увидел вас, я готов был поклясться, что вас больше одного.

Оно принялось за бутерброд, но теперь ело чуть медленнее, чем тогда, когда расправлялось с первыми двумя. Разделавшись и с ним, существо аккуратно смахнуло с бакенбард крошки.

– Большое вам спасибо, – поблагодарило оно.

– Всегда к твоим услугам, – ответил Блейк. – Ты уверен, что не хочешь еще?

– Бутербродов, пожалуй, нет, но если у вас лишний кусочек пирога...

– Угощайся, – пригласил Блейк.

Существо без промедления воспользовалось приглашением.

– Ты задал мне вопрос, – добавил Блейк. – Как ты думаешь, справедливо будет, если и я кое о чем тебя спрошу?

– В высшей степени справедливо, – подтвердило существо. – Валяйте, спрашивайте.

– Я никак не пойму, кто ты такой, – признался Блейк.

– Вот те на! – воскликнуло существо. – А я-то думал, вам известно. Мне и в голову не приходило, что вы можете не узнать меня.

Блейк покачал головой:

– Не узнаю. Ты уж извини.

– Я – Брауни², – с поклоном представилось существо. – К вашим услугам, сэр.

² Брауни – домовый (англ.).

Глава 9

Когда Блейка ввели в кабинет, доктор Майкл Даниельс уже ждал его за своим столом.

– Ну, как самочувствие нынче утром? – спросил он.

Блейк слабо улыбнулся:

– Неплохо, если вспомнить все вчерашние обследования. Интересно, есть ли такие тесты, которым меня не подвергали?

– В общем, мы испробовали почти все, – признался Даниельс. – Еще один или два теста в запасе, и если...

– Нет уж, спасибо.

Даниельс жестом указал на стул:

– Располагайтесь. Нам есть о чем поговорить.

Блейк сел на предложенный стул. Даниельс подтянул к себе пухлую папку и раскрыл ее.

– Я так полагаю, – сказал Блейк, – что вы проверяли различные варианты событий, которые могли произойти со мной в космосе. Удачно?

Даниельс покачал головой:

– Ничего не вышло. Мы просмотрели списки пассажиров и команд всех пропавших кораблей. Точнее, это сделала Космическая служба. Вы интересуете их точно так же, как и меня, если не больше.

– Списки пассажиров мало что вам скажут, – проговорил Блейк. – Там будет лишь имя, а ведь мы не знаем...

– Верно, – сказал Даниельс, – есть еще отпечатки пальцев и фонограммы голосов. Но все не ваши.

– Однако я ведь как-то попал в космос.

– Да, попали, это нам известно. Известно и то, что вас кто-то заморозил. Сумей мы выяснить, почему это было сделано, мы узнали бы гораздо больше, чем нам известно сейчас. Но ведь когда пропадает корабль, пропадают и все записи.

– Я и сам пораскинул мозгами, – сказал Блейк. – Мы все время исходили из предположения, что меня заморозили, чтобы спасти мне жизнь. Значит, до того, как корабль попал в беду. Кто мог знать, что он попадет в аварию? Хотя, видимо, бывают положения, когда это известно заранее. А вам не приходило в голову, что меня заморозили и выбросили из корабля потому, что мое присутствие на борту было нежелательно? Может быть, я что-то натворил, или меня боялись, или еще что-нибудь в этом роде?

– Нет, – ответил Даниельс, – об этом я не думал. Но допускал, что вы можете оказаться не единственным замороженным, не единственным человеком, заключенным в капсулу. То же самое могли проделать с другими, и эти другие до сих пор там, в космосе. Просто вас случайно нашли. Если у них было время, они могли сохранить таким способом жизнь людей.

– Давайте вернемся к вопросу о том, почему меня вышвырнули из корабля. Если бы я был негодяем, от которого надо избавиться, к чему предпринимать попытку сохранить мне жизнь?

Даниельс покачал головой.

– Ума не приложу. Пока мы можем только гадать. Возможно, вам придется примириться с мыслью, что вы никогда не узнаете правды. Я надеялся, что вы мало-помалу вспомните свое прошлое, но этого пока не случилось. И, вероятно, не случится.

– Вы хотите сказать, что я должен отступить?

– Нет. Мы не оставим наших попыток до тех пор, пока вы согласны помогать нам. Но я считаю своим долгом сказать вам, что они, скорее всего, закончатся ничем.

- Что ж, это честно, – ответил Блейк. – Тем более что трудно обижаться в этом мире.
- Как ваша позавчерашняя рыбалка? – спросил Даниельс.
- Хорошо, – ответил Блейк. – Выудил шесть форелей, прекрасно провел денек на свежем воздухе. Чего, как я подозреваю, вы и добивались.
- Галлюцинаций не было?
- Было одно видение, – сказал Блейк. – Я утаил его от вас, но сегодня утром решил рассказать. Галлюцинацией больше, галлюцинацией меньше – какая разница? На рыбалке я повстречал Брауни.
- О! – вырвалось у Даниельса.
- Вы слышали? Я встретил Брауни и говорил с ним. Он съел почти весь мой ленч. Вы понимаете, кого я имею в виду? Маленькие народцы из детских сказок. Брауни из их числа. У них большие острые уши и высокая остроконечная кепка. Только у моего кепки не было, а физиономия напоминала мордочку грызуна.
- Вам повезло: не так уж много людей когда-либо видели Брауни. А тех, что с ними разговаривали, еще меньше.
- Вы хотите сказать, что Брауни не галлюцинация?
- Разумеется, нет. Это переселенцы из созвездия Енотовой Шкуры. Их немного. Родона начальников их привезли на Землю, наверное, лет сто – сто пятьдесят назад на исследовательском корабле. Предполагалось, что Брауни немного погостят у нас – что-то вроде культурного обмена, – а потом вернутся домой. Но им тут понравилось, и они официально попросили разрешения остаться, после чего мало-помалу разбрелись по Земле, облюбовав для обитания леса и живя в норах, пещерах, дуплах деревьев. – Даниельс озадаченно покачал головой. – Станный народ. Они отказались почти от всех предложенных людьми льгот, не пожелали иметь ничего общего с нашей цивилизацией; культура землян не произвела на них впечатления, но сама планета понравилась. Понравилась как место, где они могли бы жить, но жить, разумеется, на свой лад. Нам не так много известно о них. Цивилизация у Брауни, похоже, высокоразвитая, но совсем не такая, как у нас. Они умны, но исповедуют ценности, отличные от наших. Кое-кто из них, как я понимаю, прибил к семьям или отдельным людям, те их подкармливают и дают одежду. Любопытные взаимоотношения. Брауни для этих людей – вовсе не домашнее животное. Вероятно, они служат чем-то вроде талисманов и немного похожи в представлениях землян на настоящих домовых.
- Будь я проклят! – пробормотал Блейк.
- Вы решили, что ваш Брауни – очередная галлюцинация?
- Да. Я все время ждал, что он уйдет. Просто исчезнет. А он не исчезал. Сидел, ел, смахивал с бакенбард крошки и подсказывал мне, куда забрасывать мух. «Вон туда, туда! – говорил Брауни. – Там большая форель! Между тем водоворотом и берегом!» И там действительно оказывалась большая форель. Похоже, он знал, где искать рыбу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.